

Для цитирования: Забелина И. А., Парфенова К. В. Механизмы ускоренного экономического роста регионов Дальнего Востока // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 60—75. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75

УДК 332.1

МЕХАНИЗМЫ УСКОРЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Забелина Ирина Александровна,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, старший научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований, кандидат экономических наук, доцент. Российская Федерация, 672014, г. Чита, ул. Недорезова, 16а. E-Mail: i_zabelina@mail.ru

Парфенова Ксения Владимировна,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, научный сотрудник лаборатории географии и регионального природопользования, кандидат географических наук. Российская Федерация, 672014, г. Чита, ул. Недорезова, 16а. E-Mail: gorina08@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время вопросы ускоренного экономического развития Дальнего Востока остаются в фокусе внимания государства. В число ключевых механизмов государственной политики входит формирование территорий опережающего развития (ТОР). В статье поставлена задача изучения влияния принятых институциональных мер на благосостояние и качество жизни населения на дальневосточных территориях. Особое внимание уделяется изучению миграционных процессов и анализу экономической активности населения Дальнего Востока.

Цель. Изучить эффекты от реализации механизмов ускоренного экономического роста, а также оценить их влияние на качество жизни в регионах Дальнего Востока.

Методы. Используются методы: экономико-математического моделирования, расчетно-аналитические, сравнительного и пространственного анализа.

Научная новизна исследования. Для комплексной оценки уровня благополучия регионов авторами предложено дополнить мультипликативную модель, основанную на расширенной функции благосостояния А. Сена, сводным экологическим индексом. Он учитывает экологические условия жизни людей, представляющие собой важный аспект благосостояния. Получены экологически скорректированные показатели благополучия для восточных регионов РФ. Исследована их динамика, а также изучена взаимосвязь с данными миграционной активности населения в период формирования новых институтов опережающего развития на Востоке страны.

Результаты. Установлено, что большинство дальневосточных территорий по-прежнему отстают по социально-экономическому развитию от среднероссийского уровня. Результаты оценки уровня благополучия регионов на основе мультипликативной модели без учета экологического фактора показали, что наиболее благополучными являются сырьевые территории. Показано, что роль экологических факторов в качестве жизни на дальневосточных территориях России весьма значительна — экологически скорректированный уровень благополучия заметно ниже показателя, не учитывающего данный аспект благосостояния. Выявлено, что неблагополучные в социально-экономическом отношении регионы со сложными природно-климатическими условиями проживания имеют очень высокие показатели миграционного оттока. Их коэффициенты миграционной убыли отражают наличие кризиса в экономическом развитии, причем возрастающего в последние годы. Анализ тенденций экономической активности показал наличие взаимосвязи между динамикой численности занятых и реализацией проектов ТОР на дальневосточных территориях. **Выводы.** Сделан вывод, что принимаемые государством меры по опережающему экономическому развитию восточных территорий страны пока не оказали заметного позитивного влияния на благосостояние и качество жизни в регионах Дальнего Востока.

Ключевые понятия:

регионы Дальнего Востока, территории опережающего развития (ТОР), социальное благополучие, миграционные процессы, экологические условия жизни населения.

Введение

Проблема существующей неоднородности экономического пространства территории России заметно сказывается на уровне социального благополучия ее регионов, обуславливая необходимость выработки механизмов регионального развития. Подобные меры государственного управления должны учитывать не только социально-экономическую специфику регионов, но и экологические факторы территориального развития, имеющие определенное влияние на формирование качества жизни населения. В отдельных регионах с сырьевой направленностью экономического развития экологическая нагрузка на природные среды достаточно высока. Такая ситуация характерна и для большинства дальневосточных территорий [7], в основе хозяйственной деятельности которых по-прежнему лежат природно-ресурсные отрасли [1; 5]. В комплексе данные факторы формируют определенный уровень благополучия регионов, индикатором состояния которых может выступать миграционное движение населения.

Учитывая существующие задачи по снижению миграционной убыли населения на территории России, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ правительство страны уделило значительное внимание регионам Дальнего Востока, имеющим наибольшие проблемы демографического и миграционного характера. Прежде всего государственные мероприятия региональной политики направлены на создание новых механизмов территориального развития, поскольку миграционная составляющая в наибольшей степени позволяет отразить чувствительность населения к социально-экономическому «климату». В этом контексте в проведенных ранее исследованиях [22] было выявлено, что наиболее уязвимыми в социодемографическом отношении являются слабо заселенные регионы Востока России с дискомфортными природно-климатическими условиями проживания и нестабильной социально-экономической обстановкой. В большей степени это периферийные, депрессивные территории, являющиеся стабильными донорами мигрантов.

Основным вектором решения возникающих трудностей правительство РФ видит в стимулировании экономического развития

данных территорий за счет создания в дальневосточном макрорегионе федеральных институтов. Так, в 2012 г. было образовано Министерство по развитию Дальнего Востока (далее переименовано в Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики). В период с 2014 по 2017 гг. был принят целый ряд федеральных законодательных актов, в их числе закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»². После вступления в силу этого нормативно-правового акта начался активный процесс разработки проектов государственно-частного инвестирования, направленных на стимулирование хозяйственной деятельности субъектов и повышение качества жизни проживающего в них населения.

Подобная логика регионального управления территорией согласуется с идеями территориального развития экономистов Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля [26] — они не только обозначили условия появления точек экономического роста, но и предложили понимать под ними наряду с предприятиями и отраслями разномасштабные территории, являющиеся источниками инновационного и экономического развития всей страны. Регионы, успешно реализующие проекты на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР или ТОСЭР), могут стать реальными драйверами экономического развития для всего дальневосточного макрорегиона. Кроме того, это может способствовать решению миграционных проблем — любой административный центр в условиях миграционного движения является местом притяжения, а экономический импульс развития территории оказывается значительным притягивающим фактором миграции.

Созданные в субъектах Дальневосточного макрорегиона федеральные институты территориального развития должны способствовать реализации комплексных мероприятий по повышению качества жизни в них. Однако на протяжении ряда лет степень реализации и использования регионами предложенных государством механизмов развития является разной. Возникают вопросы — стали ли регионы, в которых реализуются проекты в рамках ТОР, подобными точками экономического развития? Способствовали ли экономические перемены повышению качества жизни и снижению оттока

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 20.08.2020).

² О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 20.08.2020).

населения с дальневосточных территорий? Поиск ответов на поставленные вопросы и определил цель данного исследования, которая заключается в изучении эффектов от реализации механизмов ускоренного экономического роста, а также оценке их влияния на качество жизни в регионах Дальнего Востока. Начальным периодом в нашей работе будет выступать 2014 г., т. е. год вступления в силу закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Благополучие регионов и миграционные процессы на Востоке РФ

Ключевыми целями реализации разработанных государством механизмов опережающего развития Дальнего Востока являются: достижение основных показателей качества жизни выше среднего уровня по РФ (включая реальные денежные доходы); стабилизация и увеличение численности населения, в т. ч. за счет притока мигрантов из других российских регионов¹. Проанализируем как изменилось благосостояние и качество жизни на дальневосточных территориях в период становления новых институтов развития.

В современной отечественной и зарубежной литературе большое внимание уделяется исследованию благосостояния как экономической категории, теоретическому обоснованию его измерителей [8; 19; 30 и др.], а также предпринимаются попытки оценки таких показателей для различных стран и/или регионов [4; 10; 14; 25; 28 и др.]. В настоящей работе мы будем придерживаться общепринятого определения благосостояния, под которым понимается «мера, степень обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования» [20] (в рамках данного исследования понятия «благополучие» и «благосостояние» используются как тождественные). В работе [21] авторы подчеркивают, что благосостояние многогранно и многие его нематериальные составляющие не находят отражения в традиционно используемых измерителях дохода. Это относится и к экологическому аспекту, который в условиях возрастающего антропогенного воздействия на окружающую среду приобретает все большую значимость. Поскольку экономическое развитие

большинства регионов Дальнего Востока традиционно ориентировано на добычу и переработку природных ресурсов (т. е. виды деятельности, оказывающие наиболее выраженное негативное воздействие на окружающую среду) нельзя недооценивать роль экологических факторов в качестве жизни населения этих территорий.

Социальное благополучие регионов может быть измерено с использованием мультипликативной модели [11], основанной на расширенной функции благосостояния А. Сена [29]. Эта модель была расширена за счет включения в нее компонента, учитывающего экологические условия жизни населения. Методология оценки уровня благополучия российских регионов с учетом экологической составляющей подробно изложена в работе [6]. Здесь приведем лишь краткую характеристику параметров пятикомпонентной мультипликативной модели, на основе которой были выполнены расчеты для дальневосточных территорий (табл. 1).

Сравнительный анализ включенных в модель характеристик социально-экономического развития показал, что приграничные территории Дальнего Востока по-прежнему заметно отстают от среднероссийского уровня (табл. 2). Более высокие показатели среднедушевых денежных доходов и среднедушевого ВРП имеют регионы, специализирующиеся преимущественно на добыче природного сырья: Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Чукотский АО. Среди приграничных территорий выделяются Приморский и Хабаровский края. Почти все анализируемые регионы (за исключением Забайкальского края и Республики Бурятия) характеризуются и более высокой стоимостью жизни — значение соответствующего индекса меньше 1, т. е. стоимость фиксированного набора товаров и услуг в них выше стоимости аналогичного набора в РФ.

Результаты оценки уровня благосостояния регионов Дальнего Востока представлены в табл. 3. Наиболее благополучными, согласно модели без учета экологического фактора, оказались уже упомянутые Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Сахалинская и Магаданская области — уровень благополучия в них выше среднего по РФ (9189 руб./чел. в 2018 г.). Хабаровский и Приморский края также превосходят среднероссийский уровень.

Включение в модель компонента, учитывающего экологические условия жизни населения, заметно повлияло на результаты

¹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 5. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitiidalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

Таблица 1

Компоненты мультипликативной функции благосостояния и их характеристика

Компонент модели	Обозначение компонента в формуле	Краткая характеристика
Среднедушевой валовой региональный продукт (ВРП) в регионе, руб./чел.	Y / N	ВРП в расчете на душу в сопоставимых ценах 2008 г.
Доля доходов населения в ВРП в регионе	D / Y	Рассчитывается как отношение денежных доходов населения к ВРП (обе стоимостные характеристики приведены к сопоставимым ценам 2008 г.)
Индекс, обратный стоимости жизни в регионе	\bar{C} / C	Рассчитывается как отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в стране к стоимости данного набора в регионе
Показатель, учитывающий дифференциацию доходов в регионе	$(1 - G)$	Рассчитывается как $1 - G$, где G — внутрирегиональный коэффициент Джини для номинальных доходов населения
Интегральный экологический индекс, характеризующий качество окружающей среды в регионе	$E = \sum_i^n P_i / n$	Определяется как среднее арифметическое нормированных частных экологических индексов, которые рассчитываются на основе следующих показателей: удельный вес исследованных проб воздуха с превышением предельно допустимых концентраций (P_1); удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим и микробиологическим показателям (P_2, P_3); удельный вес исследованных проб почвы селитебных территорий, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим, микробиологическим и паразитарным показателям ($P_4 - P_6$). E изменяется в диапазоне от 0 до 1: чем выше его значение, тем благополучнее состояние окружающей среды в регионе

Таблица 2

Основные социально-экономические характеристики регионов Дальнего Востока и РФ

Регион	Среднедушевой ВРП (в ценах 2008 г.), тыс. руб./чел.		Среднедушевые денежные доходы населения (в ценах 2008 г.), руб./чел.		Индекс, обратный стоимости жизни в регионе	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Амурская область	163,95	168,12	15423	14918	0,90	0,97
Еврейская ОА	139,62	154,81	12634	11242	0,83	0,87
Забайкальский край	136,99	145,07	11829	11265	1,11	1,06
Камчатский край	271,72	313,31	24983	24846	0,62	0,62
Магаданская область	331,74	382,77	26220	27512	0,69	0,71
Приморский край	184,36	189,20	17599	17806	0,82	0,87
Республика Бурятия	126,59	120,01	12703	11945	1,02	1,05
Республика Саха (Якутия)	369,54	404,80	21857	22466	0,81	0,80
Сахалинская область	847,20	879,19	26408	27805	0,74	0,84
Хабаровский край	218,70	218,15	19500	19079	0,78	0,84
Чукотский АО	625,28	637,51	41278	42761	0,62	0,59
РФ в целом	251,39	262,27	17480	16137	—	—

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. Национальные счета. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts#>. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 16.12.2020).

Таблица 3

Уровень благополучия и его изменение за период с 2012 по 2018 г. в регионах Дальнего Востока и РФ*

Регион	Уровень благополучия без учета экологического фактора			Уровень благополучия с учетом экологического фактора		
	$S_i = (Y_i / N_i) \times (D_i / Y_i) \times (\bar{C}I / CI_i) \times (1 - G_i)$			$S_{Ei} = (Y_i / N_i) \times (D_i / Y_i) \times (\bar{C}I / CI_i) \times (1 - G_i) \times E_i$		
	2012	2018	Изменение, %	2012	2018	Изменение, %
Амурская область	8487	8702	2,5	7352	7885	7,2
Еврейская АО	6612	6361	-3,8	5474	4869	-11,1
Забайкальский край	8279	7540	-8,9	5266	6044	14,8
Камчатский край	8447	9676	14,5	7649	9329	22,0
Магаданская область	9780	12 008	22,8	6980	9916	42,1
Приморский край	8365	9483	13,4	4382	5264	20,1
Республика Бурятия	7582	7781	2,6	5489	6483	18,1
Республика Саха (Якутия)	10 200	10 649	4,4	8415	9192	9,2
Сахалинская область	9860	13 564	37,6	6874	11 835	72,2
Хабаровский край	8680	9907	14,1	5521	7538	36,5
РФ в целом	9054	9189	1,5	7060	7483	6,0

* В связи с тем, что необходимые для оценки уровня благополучия с учетом экологической составляющей за 2014 г. данные не предоставлены в полном объеме, начальным периодом здесь был выбран 2012 г. Чукотский АО исключен из анализа по той же причине.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики и Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Национальные счета. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts#>. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. Охрана окружающей среды в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209>. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2012 году». URL: https://rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=1178; Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 году». https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=12053 (дата обращения: 25.11.2020).

расчетов. В ряде регионов со сложной экологической ситуацией уровень благосостояния снизился: наиболее существенно на приграничных территориях — Еврейской АО, Хабаровском и Забайкальском краях. Особенно выделяется Приморский край, который оказался на предпоследнем месте (последняя позиция — у г. Санкт-Петербург) в рейтинге российских регионов по величине сводного экологического индекса. Его значение в Приморском крае в 2018 г. составило всего 0,56 (т. е. разница между показателями S и S_E составила 44 %). Наиболее остро здесь стоит проблема загрязненности водных объектов и почв (регион лидирует по числу негативных проб почвы по санитарно-химическим показателям — 34,7 % от общего числа исследованных проб).

За период с 2012 по 2018 гг. почти все восточные регионы демонстрировали положительную динамику — уровень благосостояния в них увеличился. Наиболее

заметный рост показателя с учетом экологического фактора отмечался в Сахалинской и Магаданской областях, Хабаровском крае. Отдельно стоит упомянуть Еврейскую АО, которая имела отрицательную динамику изучаемых характеристик регионального развития: показатели S и S_E снизились на 3,8 и 11,1 % соответственно.

Плохие экологические условия в сочетании с дискомфортом более холодного климата, слабой социальной инфраструктурой, низкими доходами и высокой стоимостью жизни способствуют сокращению постоянного населения и ухудшению качества человеческого капитала. Так, только за период с 2006 по 2017 гг. абсолютные потери дальневосточных территорий в межрегиональном обмене населением составили 263 тыс. человек [18]. Приграничные с Китаем регионы РФ и территории с суровыми природно-климатическими условиями проживания демонстрируют очень низкую оседлость

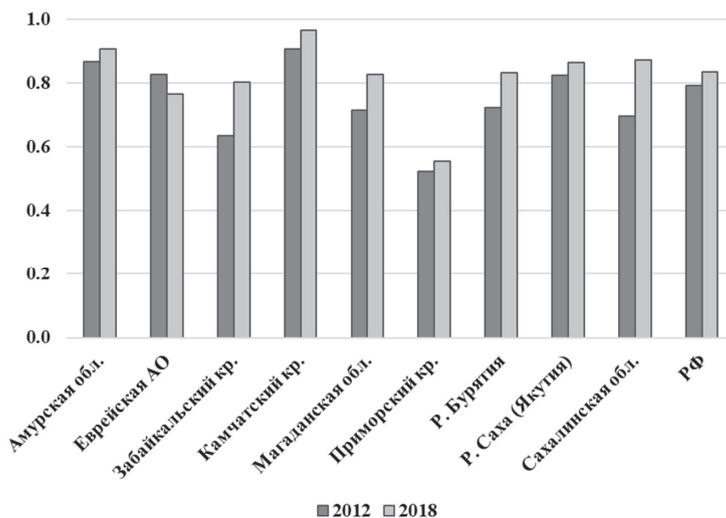

Рис. 2. Сводный экологический индекс для регионов Дальнего Востока и РФ

проб по санитарно-химическим и микробиологическим показателям.

Аутсайдерами дальневосточного макро-региона по уровню социального благополучия также являются недавно включенные в дальневосточный федеральный округ (ДФО) Республика Бурятия и Забайкальский край. Их коэффициенты миграционного прироста отражают наличие кризиса в экономическом развитии регионов, причем возрастающего в последние годы, особенно для последнего региона. ТОРы на их территории только недавно были созданы и эффект их реализации еще проявляется слабо. Что касается экологических условий, то оба региона оказались в числе территорий с положительной динамикой: сводный экологический индекс за анализируемый период увеличился за счет улучшения характеристик качества атмосферного воздуха. Сюда же попадает Приморский край, который, как уже упоминалось выше, заметно потерял в рейтинге благополучия после включения экологического компонента в модель.

Большая часть субъектов Дальнего Востока характеризуются, с одной стороны, высоким уровнем благополучия (в шести регионах показатель S_{ξ} превышает среднероссийское значение — 7483 руб./чел. в 2018 г.), а с другой — высокими значениями убыли населения по сравнению с общим показателем по ДФО (–40 чел. в 2018), что свидетельствует о неоднозначности ситуации и обуславливает необходимость проведения более глубоких исследований в этом отношении.

Одним из положительных эффектов от создания преференциальных территорий на

Дальнем Востоке является создание новых рабочих мест (в том числе высокопроизводительных), что должно способствовать решению проблемы низкого уровня доходов населения дальневосточных регионов¹. Из представленных на рис. 3 данных видно, что большинство регионов с высоким уровнем социального благополучия (Республика Саха (Якутия), Чукотский АО, Хабаровский и Приморский края и др.), имеют достаточно высокие показатели числа созданных рабочих мест. Исключение составляет Магаданская область, которая находится на этапе создания ТОР «Колыма», а также Забайкальский край и Республика Бурятия, недавно вступившие в программу по ТОР. При этом необходимо учитывать тот факт, что по регионам нет подробной статистики о созданных рабочих местах, в официальных документах и средствах массовой информации представлены количественные показатели, однако не уточняется, привлекается иностранная рабочая сила или кадры местного рынка труда, что имеет важное значение. Кроме того, коэффициент миграционного прироста может дать лишь некоторую картину ситуации, т. к. миграционное движение населения — это явление непрерывное, и даже при лучших показателях социально-экономического развития (например, в г. Москва или г. Санкт-Петербург) убыль населения, его «перетекание» всегда будет иметь место, вопрос в количественных показателях.

¹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 44. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitiidalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

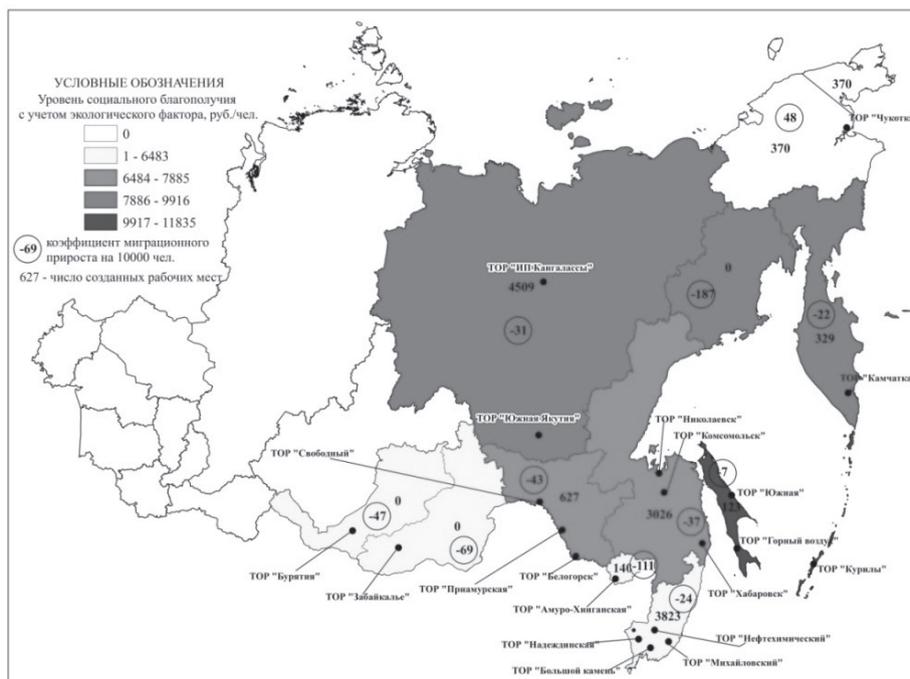

Рис. 3. Уровень социального благополучия с учетом экологического фактора, коэффициент миграционного прироста населения и число созданных рабочих мест, 2018 г.*

* Официальный бюллетень АО «Корпорация развития Дальнего Востока». URL: <https://erd.ru/upload/iblock/5b9/5b973a9e85d50a7cc584a7c1ee76f4ef.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

Анализ тенденций экономической активности населения регионов Дальнего Востока

Действие предложенных государством механизмов ускоренного развития направлено прежде всего по повышению уровня жизни населения регионов Дальнего Востока, что напрямую скажется на уровне социального благополучия и показателях миграционного движения. Данная стратегическая задача была озвучена в Докладе о комплексном развитии регионов Дальнего Востока¹.

В настоящее время в дальневосточном макрорегионе создана 21 ТОР². По данным

¹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 44. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitiidalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

² Полный список преференциальных территорий: особых экономических зон (ОЭЗ) федеральных и региональных, опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР, ТОР) в моногородах, на Дальнем востоке и других муниципальных образованиях Российской Федерации. URL: <https://решение-верное.рф/toser-all> (дата обращения: 21.08.2020).

Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики каждый четвертый проект уже осуществляет операционную деятельность (115 из 435); треть из 75 000 планируемых рабочих мест уже создана; почти 26 000 дальневосточников трудятся на введенных в эксплуатацию заводах и фабриках; четверть общего объема заявленных инвестиций уже вложены (711,5 млрд рублей из 2,9 трлн руб.)³.

Возникает закономерный вопрос — насколько эффективно решается задача по снижению напряженности на региональных рынках труда за счет предлагаемых мер? В данной части статьи предлагается рассмотреть изменения среднегодовой численности занятых в основных видах экономической деятельности (ВЭД), на которые ориентированы проекты ТОР⁴ в

³ Дальневосточные предприниматели выбирают ТОР. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 21.08.2020).

⁴ Сравнительный анализ среднегодовой численности занятых выполнен с использованием данных Федеральной службы государственной статистики и информации Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; <https://minvr.gov.ru>

контексте получаемого эффекта от их реализации.

Начиная с периода принятия закона о проектах TOP, значительное снижение числа занятого населения в сельскохозяйственной отрасли наблюдается практически во всех регионах Дальнего Востока, кроме Чукотского АО (рис. 4). Отдельно стоит упомянуть Приморский край, поскольку для него ВЭД «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» на сегодняшний день представлен якорными проектами, в их числе рыбоперерабатывающие проекты компаний «Доброфлот» и «Русский минтай»; инициатива компании «Русагро-Приморье» по строительству свиноводческого кластера. Еще один проект реализует группа компаний «Арника», которая строит заводы по животноводству на TOP «Надеждинская».

В добывающей отрасли отдельных регионов также наблюдается снижение среднегодовой численности занятых, однако, оно не столь значительное. Самое существенное увеличение количества работников в ВЭД «Добыча полезных ископаемых» произошло в Республике Саха (Якутия) — на 3,2 человек за период с 2014 по 2018 гг. В данном регионе реализуются проекты по добыче угля на горно-обогатительных комплексах «Денисовский» и «Инаглинский». В настоящее время резиденты уже инвестировали свыше 41,8 млрд рублей и создали 6,8 тысяч рабочих мест. Заметный рост численности занятых также отмечался в Амурской области, которая

по итогам 2019 г. стала лидером по приросту объема инвестиций в основной капитал на Дальнем Востоке. Данный регион выделяется среди остальных дальневосточных субъектов по общему объему инвестиций— суммарный объем проектов, реализуемых резидентами TOP «Свободный», «Белогорск» и «Приамурская», составляет 1,2 трлн рублей¹.

В отношении ВЭД «Обрабатывающие производства» основной объем занятых приходится на Приморский и Хабаровский края, а также Республику Бурятия (рис. 5). Причем для первых двух отмечается прирост количества работников по сравнению с другими регионами. В Приморье это связано с судостроительным комплексом и заводом «Звезда», упомянутых ранее рыбоперерабатывающих проектах компаний «Доброфлот» и «Русский минтай», а также Восточным нефтехимическим комплексом. Кроме того, на заводе «Европласт» было открыто производство пластмассовых изделий, а комбинат «Приморье» ввел в эксплуатацию новое производство домостроительных комплектов, которые применяются при возведении жилых микрорайонов. В Хабаровском крае запущены заводы по производству тепло- и звукоизоляционных материалов и деревопереработке².

Численность занятого населения в строительной отрасли соответственно коррелирует с вводимыми производственными

¹ Дальневосточные предприниматели выбирают TOP. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 21.08.2020).

² Дальневосточные предприниматели выбирают TOP...

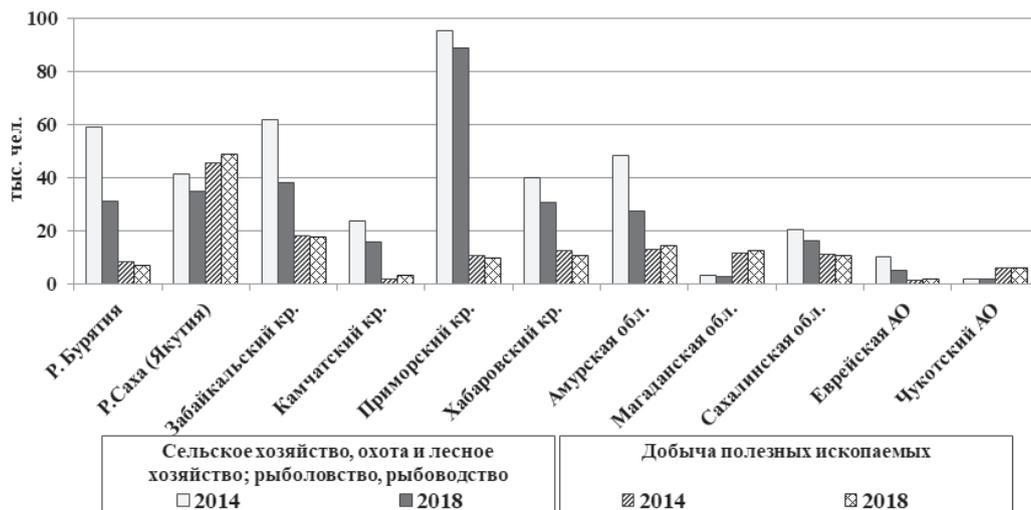

Рис. 4. Среднегодовая численность занятых в ВЭД «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» и «Добыча полезных ископаемых», 2014 и 2018 г.

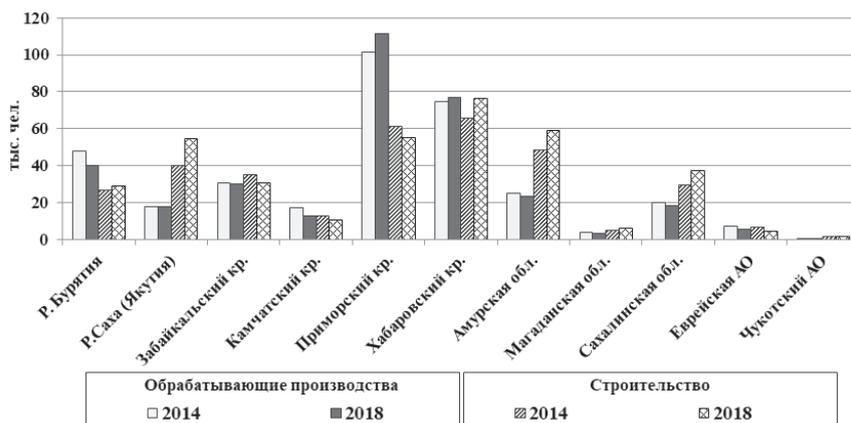

Рис. 5. Среднегодовая численность занятых в ВЭД «Обрабатывающие производства» и «Строительство», 2014 и 2018 г.

мощностями в регионах, кроме упомянутых уже Приморском и Хабаровских краях, Амурской области, Республике Саха (Якутия), рост числа занятых наблюдается в Республике Бурятия и Сахалинской области.

Вообще, среди всех субъектов Дальнего Востока, почти 90 % проектов приходится на Приморский край, чем объясняются высокие показатели занятости в этом регионе. Кроме того, Приморский край лидирует и по количеству резидентов, на втором месте Камчатский и Хабаровский края — 100, 98 и 69 соответственно. Наибольшее количество создаваемых рабочих мест (около 31 000) также в Приморском крае, где действуют четыре ТОР — «Надеждинская», «Михайловский», «Большой Камень» и «Нефтехимический»¹.

Об определенной сохраняющейся напряженности в экономике регионов Дальнего Востока говорят также показатели уровня безработицы². Согласно данным Федеральной службы по труду и занятости социально-экономическая ситуация с 2014 г. ухудшилась или сохранилась на прежнем уровне в Республиках Бурятия и Саха (Якутия), а также в Еврейской АО (рис. 6а).

По данным выборочных обследований рабочей силы, проводимых Федеральной службой государственной статистики (рис. 6 б), рост уровня безработицы зарегистри-

рован в Республике Бурятия и Магаданской области, сохраняется неблагоприятная ситуация на рынке труда в Забайкальском крае и Чукотском АО.

Обсуждение

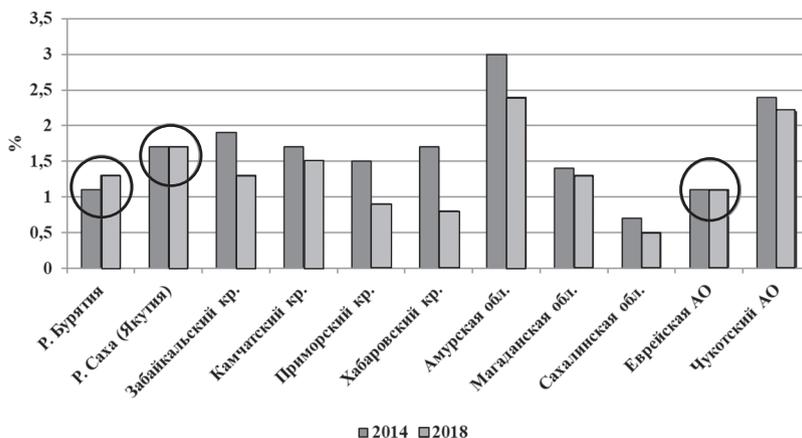
Сдвиги от реализации проектов ТОР в социально-экономическом развитии регионов наблюдаются, но на данном этапе они не характеризуются эффектом масштабности — имеют в основном локальное действие. Подтверждают это и невысокие показатели создания рабочих мест в ряде проектов [17].

Необходимо время для их полноценного функционирования и стабильности политических и экономических условий существования для всех экономических агентов социально-экономического пространства территорий, на которых происходит пространственная укорененность институтов развития (в данном исследовании термин «embeddedness» М. Грановеттера³). Так, по мнению П. А. Минакира, «недостаточно просто выделить территорию, обеспечить ее инфраструктурой и предоставить на этой территории налоговые и административные льготы. Главное условие успеха — возможность эффективного предпринимательства на этих территориях. Бизнес интересуется снижением налогов, но прежде всего, он интересуется длительным прибыльным функционированием» [13, с. 8]. Главную роль в реализации проектов ТОР играет именно малый и средний бизнес — общее количество дальневосточных резидентов малых и средних предприятий достигает 85 %⁹, выполнение этих усло-

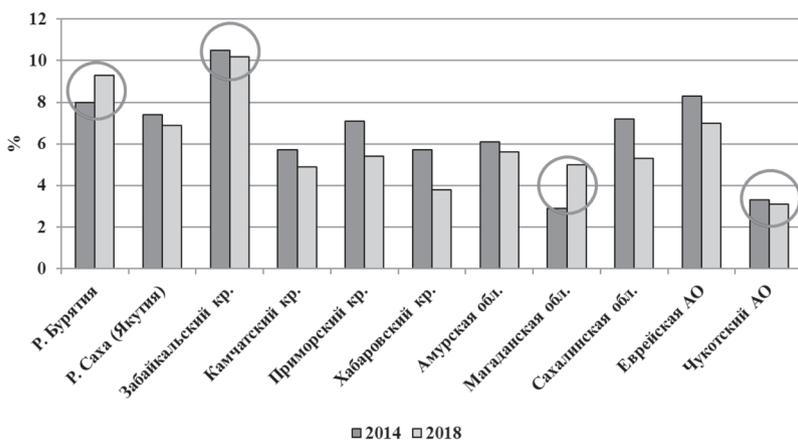
¹ Дальневосточные предприниматели выбирают ТОР. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 21.08.2020).

² Анализ показателей уровня безработицы выполнен с использованием данных Федеральной службы по труду и занятости РФ и выборочных обследований рабочей силы, проводимых Федеральной службой государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Переведено по: Swedberg R. New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What Is Ahead? // Acta Sociologica. 1997. Vol. 40. P. 161—182.

а)

б)

Рис. 6. Уровень безработицы в регионах Дальнего Востока (в среднем за год), 2014 и 2018 гг.:
 а) по данным Федеральной службы по труду и занятости РФ
 б) по данным выборочных обследований рабочей силы, проводимых Федеральной службой государственной статистики

вий является наиболее актуальными.

Кроме того, федеральная и региональная политика должна учитывать особенности связанности социально-экономического пространства, его специфику не только в транспортном отношении, но и возможности межрегионального взаимодействия, что непосредственным образом сказывается на экономическом развитии. Это подтверждают так же исследования А. В. Суворовой о полюсах роста в регионах России и их прямом и обратном эффекте. По ее мнению, «большая часть регионов Сибири слабо связаны с окружающими их территориями (во многом это объясняется значительными расстояниями между цен-

трами экономической активности данных субъектов РФ). Территория Дальнего Востока и части Юга России не испытывают существенного влияния со стороны своих соседей». Не отмечает ощутимых экономических сдвигов в регионах и П. А. Минакир: «...однако прорыва пока не наблюдается. Пока социально-экономическая динамика в регионе соответствует общенациональным тенденциям, что особенно досадно в части социального развития. В регионе нарастал разрыв между обещанными и реальными изменениями» [12, с. 9].

Необходимо также учитывать особенности современных механизмов территориального управления — «это инстру-

менты точечного развития, позволяющие рассматривать изменения экономики региона в локальном аспекте на принципах поляризованного развития»¹. Это значительно отличается от масштабных и комплексных строек советского периода освоения пространства страны не только по капиталовложениям в территорию, но и степенью ориентации на подъем местной экономики. Учитывая также, что исторически многие регионы Дальнего Востока по причине разных факторов не отличались высокими показателями социально-экономического развития, ждать от них быстрых и результативных хозяйственных сдвигов в условиях начала реализации проектов TOP пока не стоит. В подобных процессах становится важным, зачастую не учитываемый фактор экономических изменений — зависимость текущего развития от предшествующего — path dependence [2]. Быстро растущие регионы соседствуют с быстро растущими, а медленно растущие окружены медленно растущими регионами и богатые регионы соседствуют с богатыми, а бедные — граничат с бедными (High-high and low-low clustering) [23, с. 11]. Действие этого фактора зачастую не принимается в расчет, хотя именно он во многом определяет стартовые условия и возможности для реального эндогенного экономического роста в регионах и предпосылки для улучшения качества жизни населения. По нашему мнению, этот фактор можно отнести к категории «факторов притяжения» миграционной мобильности населения. Так, к примеру, недавно включенный в программу создания преференциальных территорий приграничный регион Забайкальский край (ранее Читинская область) исторически отличался «буферным» экономическим положением между Сибирью и Дальним Востоком, он не вписывался в общую специализацию — энергетику и энергоемкие производства [3, с. 79]. В связи с этим А. А. Недешевым высказывалась концепция, рассматривающая роль географического положения территории как экономического моста между Сибирью и Дальним Востоком [15, с. 23]. За счет Байкало-Амурской магистрали (БАМ) планировалось приблизить регион к районам Севера-Востока страны, увеличить экономические связи с восточными частями и получить выход к Тихому океану [3, с. 79]. Однако данные потенциалы не были реализованы в полной мере. Опре-

деленное глубинное положение региона и его слабая экономическая самостоятельность ограничивают возможности межтерриториального развития и кооперирования, а также взаимодействие с соседними территориями. На сегодняшний день в регионе реализуется новый этап «перезагрузки» выделенных территорий TOP «Забайкалье»². В рамках его реализации определено восемь особых территориальных «площадок», на которых планируется реализация разных проектов. Одна из крупных площадок TOP «Северное Забайкалье» определена в Каларском районе — на территории практически «пионерного освоения», где до настоящего времени промышленного освоения практически не велось, а основная сфера занятости населения относится к обслуживанию БАМа и традиционному природопользованию.

Другая крупная площадка — город Краснокаменск, определен как TOP еще в 2016 году в связи с необходимостью поддержки крупнейшего в Забайкальском крае моноструктурного города, благополучие которого определяется деятельностью градообразующего предприятия «Приаргунское производственное горно-химическое объединение (ППГХО)». TOP призван диверсифицировать экономику Краснокаменска с целью не повторения им печальной судьбы других моногородов региона. Стартовые условия в регионе и современное состояние реализации проектов пока не дают значительного импульса экономического развития — пока подготавливается промышленная инфраструктура и строительные площадки, привлекаются иностранные мигранты и вахтовые рабочие из региона, заявленных показателей создания рабочих мест для местного населения пока не отмечается. Соответственно, в миграционном отношении экономика края не удерживает трудоспособное население (регион покидают, прежде всего, высококвалифицированные кадры [16]) — по этому показателю территория является неблагополучной среди других субъектов Сибирского и Дальневосточного ФО.

Заключение

Результаты исследования показали, что большинство дальневосточных территорий по-прежнему отстают по уровню социально-экономического развития от среднероссийского уровня. Наиболее благополучными, согласно мультипликативной модели без

¹ Дец И. А. Роль проектного подхода в территориальном развитии на примере Байкальского региона : автореф. дис. ... канд. канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. 22 с.

² TOP «Забайкалье». URL: <https://www.zab-invest-portal.ru/toser/> (дата обращения: 21.08.2020).

учета экологического фактора, оказываются регионы, специализирующиеся преимущественно на добыче и переработке полезных ископаемых (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области). Обращает на себя внимание, что приграничные территории (Забайкальский край, Республика Бурятия, Еврейская АО) оказываются в числе наименее благополучных, при этом реализуемые меры опережающего развития пока способствуют заметному росту их благосостояния. Напротив, в Еврейской АО за период с 2012 по 2017 гг. отмечалось снижение комплексных характеристик регионального развития.

Включение в модель экологической составляющей показало, что роль экологических факторов в качестве жизни на дальневосточных территориях России весьма значительна: экологически-скорректированный уровень благополучия российских регионов оказался ниже показателя, не учитывающего данный аспект благосостояния. В некоторых из них разница заметно превышает среднероссийский уровень — 16 %, а в Приморском крае достигает 44 %. Плохие экологические условия в сочетании с дискомфортом более холодного климата, слабой социальной инфраструктурой, низкими доходами и высокой стоимостью жизни способствуют сокращению постоянного населения и ухудшению качества человеческого капитала. Несмотря на принимаемые государством меры по ускоренному экономическому развитию восточных территорий страны миграционная ситуация в регионах остается сложной. Неблагополучные в социально-экономическом отношении регионы (Забайкальский край, Еврейская АО и др.), а также территории с дискомфортными природно-климатическими условиями проживания (Республика Саха (Якутия) и Магаданская область) демонстрируют очень высокие показатели миграционного оттока. Их коэффициенты миграционного прироста отражают наличие кризиса в экономическом развитии регионов, причем возрастающего в последние годы, особенно для Забайкальского края. ТОРы на его территории только недавно были созданы и эффект их реализации еще проявляется слабо. По данным опроса, проведенного Е. С. Красинец, «...россияне в своей основной массе не рвутся на Дальний Восток: в настоящее время свыше 40% жителей региона подумывают о переезде в другие регионы страны или за рубеж. Основными факторами, формирующими негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, являются: уровень

доходов (37,6 %), слабое развитие социальной инфраструктуры (23,2 %), жилищные условия (22,4 %) и др. Важными в выборе стратегии миграционного поведения оказываются также отсутствие перспектив для жизни в местах постоянного проживания (17,2 %)» [9].

Пока еще рано ожидать значительных положительных эффектов от реализации разработанных правительством механизмов по ускоренному развитию Дальнего Востока. Однако эффективное функционирование преференциальных территорий может способствовать эндогенному экономическому росту. Так, в последние годы приобретает популярность точка зрения, что сами институты (в данном контексте ТОРы) являются эндогенными факторами экономического роста [24; 27]. Также по мнению ряда российских исследователей, именно «...идеи, институты, население и человеческий капитал сейчас являются центром теорий экономического роста» [23, с. 7].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00434 А). Общая методология исследования разработана в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН по теме «Механизмы обеспечения экономической устойчивости и экологической безопасности в новой модели развития регионов востока РФ в условиях трансграничных отношений и глобальных вызовов 21 в», № 121032200126-6.

1. Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 43—56.

2. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

3. Булаев В. М., Новиков А. Н. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2002. 140 с.

4. Васильева Е. В. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню благосостояния населения // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 44 (371). С. 14—24.

5. Глазырина И. П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1 (439). С. 19—35.
6. Забелина И. А. Эколого-экономическое благополучие российских регионов: сравнительный анализ // ЭКО. 2020. № 9. С. 24—45.
7. Забелина И. А., Делюга А. В. Эколого-экономические тенденции в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке в условиях институциональных изменений // ЭКО. 2019. № 5 (539). С. 66—88.
8. Коновалова А. В., Миненкова В. В. Теоретико-методические подходы к определению понятий «уровень жизни», «качество жизни» и «благополучие» // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2 (38). С. 51—54.
9. Красинец Е. С. Миграция населения на новом этапе развития дальневосточной части России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. 2019. С. 442—444.
10. Малкина М. Ю. Оценка социального благополучия российских регионов, уровня и динамики межрегиональных различий на основе функций благосостояния // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 3. С. 29—49.
11. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 49—62.
12. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 1. С. 7—17.
13. Минакир П. А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 7—11.
14. Найден С. Н., Белоусова А. В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 1. С. 53—68.
15. Недешев А. А. Экономико-географические исследования хозяйственной структуры зоны БАМ (на примере Удоканского промышленного узла) // География и природные ресурсы. 1984. № 2. С. 95.
16. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под. ред. И. П. Глазыриной, Л. М. Фалейчик. Чита : Забайкальский государственный университет, 2014. 527 с.
17. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Исаев А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 2. С. 110—149.
18. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. 2019. № 3. С. 4—14.
19. Смагин И. И. Составляющие и критерии оценки уровня благосостояния: методологический аспект // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 7(53). С. 142—146.
20. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг [и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2006. 494 с.
21. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Невверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 216 с.
22. Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 2. С. 485—501.
23. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / О. В. Луговой [и др.]. М. : ИЭПП, 2007. 164 с.
24. Acemoglu D., Johnson S, Robinson J. A. Chapter 6 Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. Pp. 385—472.
25. Armiento M. The Sustainable Welfare Index: Towards a Threshold Effect for Italy // Ecological Economics. 2018. Vol. 152. P. 296—309.
26. Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh: At the University Press, 1966. 192 p.
27. In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth / ed. D. Rodrik. Princeton : Princeton University Press, 2003. 520 p.
28. Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Pyzheva Yu. I., Zander E. V. Sustainable development of Krasnoyarsk Krai: new estimates // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 11. С. 2590—2595.
29. Sen A. Real national income // Review of Economic Studies. 1976. Vol. 43 (1). Pp. 19—39.
30. Slycken J., Bleys B.A. Conceptual Exploration and Critical Inquiry into the Theoretical Foundation(s) of Economic Welfare Measures // Ecological Economics. 2020. Vol. 176. Article 106753.

References

1. Antonova N. E., Lomakina N. E. (2018) *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 1, pp. 43—56 [in Rus].
2. Auzan A.A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika*, no. 1, pp. 3—17 [in Rus].
3. Bulaev V.M., Novikov A.N. (2002) *Geograficheskoe polozhenie kak predmet issledovanija konkretnoj territorii*. Ulan-Ude, Burjatskij nauchnyj centr Sibirskogo otdelenija RAN, 140 p. [in Rus].
4. Vasilieva E.V. (2014) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 44 (371), pp. 14—24 [in Rus].
5. Glazyrina I.P. (2011) *JeKO*, no. 1 (439), pp. 19—35 [in Rus].
6. Zabelina I.A. (2020) *JeKO*, no. 9, pp. 24—45 [in Rus].
7. Zabelina I.A., Deluga A.V. (2019) *JeKO*, no.5 (539), pp. 66—88 [in Rus].
8. Konovalova A.V., Minenkova V.V. (2019) *Jekonomika ustojchivogo razvitija*, no. 2 (38), pp. 51—54 [in Rus].
9. Krasinets E.S. (2019). *Bol'shajaEvrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik*, pp. 442—444 [in Rus].
10. Malkina M.Yu. (2016) *Terra Economicus*, no. 3, pp. 29—49 [in Rus].
11. Malkina M.Yu. (2017) *Jekonomika regiona*, no. 1, pp. 49—62 [in Rus].
12. Minakir P.A. (2019) *Prostranstvennaja jekonomika*, no. 1, pp. 7—17 [in Rus].
13. Minakir P.A. (2016) *Prostranstvennaja jekonomika*, no. 2, pp. 7—11 [in Rus].
14. Naiden S.N, Belousova A.V. (2018) *Jekonomika regiona*, no. 1, pp. 53—68 [in Rus].
15. Nedeshhev A.A. (1984) *Geografija i prirodnye resursy*, no. 2, p. 95 [in Rus].
16. Prirodnyj capital regiona i rossijsko-kitajskie transgranichnye otnoshenija: perspektivy i riski (2014). Chita, Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 527 p. [in Rus].
17. Prokapalo O.M., Bardal A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. (2019). *Prostranstvennaja jekonomika*, no. 2, pp. 110—149 [in Rus].
18. Rybakovskiy O.L., Tayunova O.A. (2019) *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 4—14 [in Rus].
19. Smagin I.I. (2013) *Social'no-jekonomicheskie javlenija i process*, no. 7 (53), pp. 142—146 [in Rus].
20. *Sovremennyj ekonomicheskij slovar'* (2006). Moscow, INFRA-M, 494 p. [in Rus].
21. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016) *Nevernoocenivaja nashu zhizn'. Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmerenij u jeffektivnosti jekonomiki i social'nogo progressa*. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gajdara, 216 p. [in Rus].
22. Sworina K.V., Faleychik L.M. (2018) *Jekonomika regiona*, no. 2, pp. 485—501 [in Rus].
23. *Jekonomiko-geograficheskie i institucional'nye aspekty jekonomicheskogo rosta v regionah* (2007). Moscow, IJePP, 164 p. [in Rus].
24. Acemoglu D., Johnson S, Robinson J.A. (2005) *Handbook of Economic Growth*, no. 1, pp. 385—472 [in Eng].
25. Armiento M. (2018) *Ecological Economics*, no. 152, pp. 296—309. [in Eng].
26. Boudeville J. (1966) *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh, At the University Press, 192 p. [in Eng].
27. *In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth*. Princeton, Princeton University Press., 2003, 520 p. [in Eng].
28. Pyzhev A.I., Syrtsova E.A., PyzhevaYu.I., Zander E.V.(2015) *Zhurna ISibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, no. 11, pp. 2590—2595.
29. Sen A. (1976) *Review of Economic Studies*, no. 43 (1), pp.19—39 [in Eng].
30. Slycken J., Bleys B.A. (2020) *Ecological Economics*, no. 176, article 106753 [in Eng].

For citing: Zabelina I.A., Parfenova K.V.
Development of the Far East regions:
mechanisms of accelerated economic growth //
Socium i vlast'. 2020. № 1 (87). P. 60—75.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75

UDC 332.1

DEVELOPMENT OF THE FAR EAST REGIONS: MECHANISMS OF ACCELERATED ECONOMIC GROWTH

Irina A. Zabelina,

Institute of Natural Resources, Ecology
and Cryology, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Laboratory
for Environmental and Economic Research,
Cand. SC. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 672014,
Chita, ulitsa Nedorezova, 16a.
E-mail: i_zabelina@mail.ru

Ksenia V. Parfenova,

Institute of Natural Resources, Ecology and Cryol-
ogy, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences,
Researcher, Laboratory of Geography and Regional
Environmental Management,
Cand. Sc. Geography).
The Russian Federation, 672014,
Chita, ulitsa Nedorezova, 16a.
E-mail: gorina08@yandex.ru

Abstract

Introduction. At present, the issues of the Far East accelerated economic development remain in the focus of the state attention. Among the key mechanisms of state policy is the formation of advanced development territories (ADT). The article sets the task of studying the impact of the institutional measures taken on the welfare and the population's life quality in the Far Eastern territories. Particular attention is paid to studying migration processes and analyzing the economic activity of the Far East population.

The purpose of the article is to study the effects of implementing mechanisms for accelerated economic growth, as well as assess their impact on the life quality in the Far East regions.

Methods. The authors use the following methods: economic and mathematical modeling, computational and analytical methods, comparative and spatial analysis.

Scientific novelty of the research. For a comprehensive assessment of the regional well-being, the authors propose to supplement the multiplicative model based on the A. Sen's extended welfare function with a composite ecological index. It takes into account the ecological conditions of human life, which are an important aspect of well-being. The authors obtain ecologically adjusted indicators of well-being for the eastern regions of the Russian Federation and study their dynamics, as well as the relations with the data on the population's migration activity during the formation of new institutions of advanced development in the East of the country.

Results. The authors find out that most of the Far Eastern territories are still lagging behind the average Russian level in socio-economic development. The results of assessing the level of well-being of regions on the basis of a multiplicative model without taking into account the environmental factor show that the most prosperous areas are raw materials-based territories.

It is shown that the role of environmental factors in the life quality in the Far Eastern territories of Russia is very significant - the ecologically adjusted level of well-being is noticeably lower than the indicator that does not take into account this aspect of well-being. The authors reveal that socio-economically disadvantaged regions with difficult natural and climatic living conditions have very high rates of migration outflow. Their coefficients of migration loss reflect the presence of a crisis in economic development, which has been increasing in recent years. An analysis of trends in economic activity shows a relationship between the dynamics of the number of employed and the implementation of ADT projects in the Far Eastern territories.

Conclusions. The conclusion is that the measures taken by the state for the advanced economic development of the eastern territories of the country have not yet had a noticeable positive impact on the welfare and life quality in the Far East regions.

Key concepts:

the Far East regions,
advanced development territories (ADT),
social well-being,
migration processes,
the population's ecological living conditions.